— Шикаку! Почему ты всегда такой?

— Какой?

— Ты знаешь, о чем я говорю, Шикаку! Лень, лень, лень! Я готова мириться с твоим поведением в виде мешка с мукой, но я не позволю тебе препятствовать Шикамару таким же образом!

— Я бы никогда не стал препятствовать Шикамару…

— Тогда почему ты так против его…

Мой отец вскочил со стула, его искаженная, извилистая тень возвышалась над моей матерью и простиралась через всю кухню, и в этот момент моя мать, которую я всегда считал более сильной из них двоих, растерялась.

Я никогда раньше не видел, чтобы он выглядел таким сердитым. Черт, да я вообще никогда не видел, чтобы он хоть как-то злился, никогда. Раздраженным — да, но единственным признаком его раздражения было натягивание подушки на голову и переворачивание на спину. С этим я мог справиться.

Но этот человек был чем-то совершенно другим, чем-то, что я не мог, при всем моем расширенном шестилетнем словарном запасе, описать. Что я знал, так это то, что это существо было явно опасным, и в этот момент мой, казалось бы, «гениальный» ум наконец-то понял истинное значение шиноби.

Где-то под его сонным настроением, человек, который убил свой путь к выживанию во время целой мировой войны шиноби, наконец, всплыл на поверхность, со шрамами и всем остальным.

Глубокая полоса, проходящая по его лицу, бугристый слой кожи, которым я всегда забавлялся, когда был ребенком, пока он хихикал, — все это было ничто по сравнению с той болью, которая излучалась из его глаз сейчас.

Мне никогда не было так страшно за всю мою шестилетнюю жизнь.

Одно я знал наверняка: если на мать я мог злиться сколько угодно и отделаться лишь относительно безболезненной руганью и несколькими минутами в углу, то довести отца до предела было очень неразумным поступком и, скорее всего, последним, который я когда-либо совершу.

Было что сказать о ярости терпеливого человека.

Лицо моей матери было застывшим, бледно-белым на фоне мерцающей лампы, она не могла говорить. Я все еще прятался за стеной, отделявшей кухню от гостиной. Они еще не заметили меня, родители были так увлечены своим спором, и в любом случае, я был Нара.

В отличие от большинства детей, я не боялся темноты, скорее, я любил ее за укрытие и спокойствие, которые она могла обеспечить. У меня была склонность к тени, и я всегда хорошо умел прятаться.

Кроме того, я был так мал, даже по сравнению с другими детьми моего возраста, и мои запасы чакры были так же малы, что, скорее всего, мое присутствие сливалось с более яркой аурой моего отца.

С каждым словом, которое он произносил, его гнев становился все сильнее, и темное облако энергии вокруг него росло, доводя его до такого бешенства, на которое я никогда не думал, что он способен.

Мой отец, такой серьезный, тихий, спокойный человек, и этот человек на нашей кухне прямо сейчас, кричащий на мою мать, не могли быть одним и тем же человеком...

И все же он был им.

Изображения на нашей семейной святыне дребезжали вместе с его грохочущим голосом и светящейся чакрой. Я представил себе, как мои двухмерные предки с их глянцевыми фотоглазами за стеклом и резными рамами дрожат от ужаса не меньше, чем я.

Если отец и слышал их дрожь за звуком собственного крика, то, похоже, его это не волновало.

— Три саннина, один из них — заблудший извращенец, другой — пьяница-гедонист, а третий — черт знает где, ставший совершенно бесчеловечным благодаря собственному таланту! — с каждым предложением его голос был громче и громче.

— Четвертый Хокаге, прославившийся своим величием, наделенный таким количеством прозвищ и титулов, что он утонул бы в чернилах, записывая их все! И за что? Умер, не дожив до тридцати лет! — он все продолжал, продолжал и продолжал, не останавливаясь.

— Какаши Хатаке, у которого так все плохо с головой, что это даже не смешно, и не смотри на меня так, Йошино. Мы с тобой оба знаем, что это правда, что этот бедняга — худший из всех, кто хоть что-то знает о психологии, кроме самого безумия.

А кто бы им не был? Если ты всю свою жизнь, с тех пор как научился ходить, рисковал жизнью ради деревни, которая стремится разбить вдребезги все и всех, кто был тебе дорог?

Вот почему он носит десять масок друг на друге и уклоняется от каждого личного вопроса, как

масло уклоняется от воды, и читает эту гадость «ича ича» на публике, и намеренно опаздывает на все мероприятия, и проводит часы напролет, стоя на улице под солнцем.

Дождь, снег, что угодно перед этим проклятым камнем, и при каждом удобном случае запудривает людям мозги, как будто ему все равно, потому что это такой очевидный механизм преодоления всего того дерьма, с которым его столкнула жизнь, и никто, даже Иноичи Яманака, ничего не может с этим поделать!

Моя мама не плакала. Она была храброй, закаленной женщиной, не такой, как мягкие маленькие принцессы из сказок. Она никогда не ждала, пока какой-нибудь мужчина придет и спасет ее. Все, чего она когда-либо добивалась, начиная с первого задания и заканчивая привлечением внимания моего отца, было исключительно ее собственной заслугой.

Так почему же сейчас по ее щекам текла вода?

— Шикаку, пожалуйста...

Мой отец не слышал ее и продолжал безжалостно перечислять всех предшественников Наследия Старейшин Конохи, пока, наконец, не привел свой аргумент с такой громкостью, что я удивился, почему вся деревня еще не проснулась и не пришла к нам домой, чтобы посмотреть, что происходит.

Может быть, потому, что они знали: когда шум доносится из дома Шикаку Нара, лучше держаться подальше.

— Хотите, чтобы я начал рассказывать о блестящем, непобедимом, печально известном Итачи Учиха? Генин в семь лет, чуунин в восемь, а в тринадцать лет уже убивал взрослых мужчин в их постелях в качестве капитана АНБУ? Он сорвался и сошел с ума, оставив своего любимого младшего брата на произвол судьбы! Но я полагаю, мы не должны удивляться.

О, нет, послать маленького ребенка свернуть себе шею и перерезать первую яремную вену еще до того, как его возраст достигнет двузначного числа. Все будет хорошо, не так ли? Удивительно, что он не попытался провернуть такой трюк раньше! Только подумай, Йошино! Вся его семья, самый большой клан во всей Конохе, хладнокровно убита, уничтожена.

Сократилась с более чем сотни человек до двух за ОДНУ ночь! Я БЫЛ ТАМ, ЙОШИНО! Я БЫЛ ОДНИМ ИЗ ТЕХ, КОГО ВЫЗВАЛИ НА РАССЛЕДОВАНИЕ ПОСЛЕ РЕЗНИ УЧИХИ, И ЗНАЕШЬ, ЧТО Я УВИДЕЛ? ЦЕЛЫЙ ВОДОПАД КРОВИ.

СТЕКАЮЩИЙ ПО СТУПЕНЬКАМ И ВЫЛИВАЮЩИЙСЯ НА БУЛЬВАР! И ЗНАЕШЬ, ЧТО ЕЩЕ Я УВИДЕЛ? СЛЕДЫ ИТАЧИ УЧИХИ В КРАСНОМ МОРЕ! И НИ ОДИН ИЗ НИХ НЕ БЫЛ РАЗМАЗАН ИЛИ ЗАЛИТ! ОН НЕ КОЛЕБАЛСЯ И НЕ БЕЖАЛ ОТТУДА! ОН ШЕЛ СПОКОЙНО И НЕВОЗМУТИМО, КАК МОЖНО БЫЛО БЫ ПРОЙТИСЬ ПО ПАРКУ В СЧАСТЛИВЫЙ И ЯРКИЙ ЛЕТНИЙ ДЕНЬ, КАК БУДТО НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ.

— Шикаку!

И тут гнев прорвался, и чудовище исчезло, сменившись человеком, на вид слишком старым, чтобы быть моим дедом. Старый не только мудростью, но и болью…

Его крики прекратились, сменившись чем-то медленным и печальным. Но именно эти чувства, вновь рожденные зверем, не похожим на моего отца, зверем страха, а не гнева, пугали меня больше, чем любая его ярость.

Даже спустя годы, когда я буду сталкиваться с врагами, моя память будет возвращаться к этому моменту, и я буду помнить его болезненные вздохи…

— О, что дальше, Йошино? Какую судьбу мы назначим нашему сыну? Может, сделаем из него Шикамару Нара, самого бугимена? Поучительной историей для всех будущих поколений нашего клана о том, кто так долго оставался в тени, что в конце концов сам стал одним из них?

Моя мать не произнесла ни слова. Я тоже. Я просто застыл, не в силах даже дышать, наблюдая за тем, как темные силуэты на стене скручиваются в очень знакомую форму — Я.

http://tl.rulate.ru/book/93003/3084973